

Зоя Петровна СОКОЛОВА: О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

(Интервью записано в декабре 1999 – январе 2000 гг.)

(?) Зоя Петровна, расскажите, пожалуйста, о том, как Вы пришли в этнографию?

(!) Еще когда я училась в школе... ну, в 9-ом классе точно, я мечтала быть учительницей литературы.

(?) Литературы?! Почему?

(!) Да! Потому что у нас была очень хорошая преподаватель, к сожалению, уже не помню ее имя и фамилию... Она была в возрасте, то есть была из людей старого поколения – высокообразованная, очень эрудированная женщина, любящая свой предмет. И поэтому она превращала наши уроки просто в праздник! Я сама очень любила читать книги. Помню, в детстве попадало мне от мамы, потому что я мыла посуду и читала книжку. Поэтому я и решила для себя, что буду преподавателем литературы.

(?) Где Вы окончили школу?

(!) Я окончила школу в Перми. Дело в том, что наша семья была эвакуирована в 41-ом году, потому что мы жили в Подмосковье, нынешний город Королев (до этого он был Калининград, а еще раньше он назывался станция Подлипки). Отец работал на военном заводе. Я там прожила десять лет примерно.... Больше 10 лет, потому что – в 41-ом году, мне уже не хватало немножко до 11 лет. Мы уехали 18 октября, как раз когда была самая страшная паника в Москве, когда жгли документы... Я помню прекрасно: по городу летала масса горелых бумаг и пепла... Мы уехали. Отец мой воевал в 1-ю империалистическую войну и был в плену, между прочим. Его немцы взяли в плен, он находился в лагере, потом был интернирован во Францию. Он очень хорошо знал немцев и сказал: «Я ни за что не останусь!» А мама очень не хотела уезжать. Очень не хотела! И один раз уже упаковали все – а мама отказалась. Не поехали. Потом все-таки через два дня – уже с распакованными вещами, уже хватая что попало, погрузились в эшелон и уехали.

В Перми я прожила с 41-го по 53-ий год. Там я закончила школу и университет.

(?) Давайте вернемся к Вашим школьным временам.

(!) Так, вернемся к школе. В школе уже где-то в 10-ом классе... У нас была своя компания очень хорошая, школьная. И

из нее как раз вышла моя приятельница – к сожалению, ее уже нет в живых – Сталина Володина, которая старше меня была. Она поступила на истфак Пермского университета. А в университете в это время преподавал Отто Николаевич Бадер, который был выслан из Москвы как немец (по паспорту). Он был обруселый немец, его родители еще давным-давно обрусели, но, тем не менее, это была общая установка. Генинг, кстати, Владимир Федорович – тоже немец по национальности – там оказался: известный археолог; обоих уже нет в живых давно...

Значит, он (*Бадер*) стал создавать коллектив молодых единомышленников, фанатиков археологии. Сам он был фанатически предан науке вообще и археологии в частности. И настолько были интересны рассказы ее (*Сталины*) о нем, что меня это заинтересовало. Где-то уже к концу 10-го класса я поближе с ними познакомилась, побывала в университете – там кружок был создан историко-археологический...

(?) *Для школьников или для студентов?*

(!) Для студентов истфака. Вернее, там был историко-филологический факультет, для студентов исторического отделения. Меня это настолько увлекло, настолько сам Отто Николаевич Бадер был обаятельной личностью... И не только он, но и его жена. Мария Александровна не работала в это время, была, как говорится, домашней хозяйкой, но она была тесно связана с этой работой, была предана и археологии, и Отто Николаевичу... Студенты постоянно бывали в доме у них – он жил при университете, там такой был дом построен для преподавателей. Это настолько меня увлекло, что я уже забыла про литературу и поступила на истфак.

(?) *Это было сложно осуществить в то время?*

(!) Ну, поскольку я окончила школу с серебряной медалью – слава Богу, тогда экзаменов не нужно было сдавать – я уехала в Москву отдохнуть, на каникулы. Кстати, в это время как раз посетила бывшие Подлипки, Калининград, и тогда поняла правильность, мудрость замечаний некоторых писателей о том, что нельзя возвращаться в город своей юности, своего детства: совершенно все было иным... Многое я просто даже не узнала. А самое главное – не было людей, с которыми я могла бы пообщаться, которых я помнила и которые меня бы вспомнили.

(?) *Немцы ведь во время наступления туда не попали, там не было особых разрушений?*

(!) Нет, это была наша территория. Они туда не дошли.

Обратно мы не вернулись в Москву, потому что пропала у нас комната и имущество все пропало. Родителям пришлось все заново начинать. Возвращаться было сложно – куда ехать и где работать? Сам завод был эвакуирован, на котором отец работал. А кроме того, отец мой был страстный рыбак и охотник, от которого ко мне перешла, наверно, любовь к лесу, к природе.

Я помню в детстве, очень хорошо... Не так много, в общем, сохранилось воспоминаний детских, но воспоминаний о походах в лес – очень много. Я помню, что, когда я была еще маленькая, в лес я шла пешком, а обратно папа меня нес в рюкзаке за спиной, а я, чтобы не вывалиться, обнимала его за шею.

И поскольку там, на Урале, конечно, были великолепные места для рыбалки, для охоты, то отец, разумеется, остался. Это была одна из причин, по которой мы там застряли. Он там и похоронен, и мама там похоронена. Моя младшая сестра Ира там живет, а моя вторая сестра – в Новосибирске...

Таким образом, значит, я в 48-ом году поступила в университет. И сразу я стала специализироваться по археологии, хотя специализация там предполагалась со второго курса. В 49-ом году я поехала на раскопки. Все студенты, конечно, работали на раскопках. Рабочих тогда практически не нанимали, средств было очень мало на археологические исследования...

Я была на палеолитической стоянке имени Талицкого. Немножко, правда: в основных раскопках я не участвовала, они раньше проходили. Была на целом ряде стоянок эпохи бронзы – и участвовала в раскопках, и даже почти, можно сказать, сама копала все последующие годы: 50-ый, 51-ый, 52-ой. На археологических маршрутах бывала по области.

(?) *Поясните, пожалуйста, что такое «маршрут».*

(!) Маршруты – это археологическая разведка. То есть идешь по определенной территории и визуально изучаешь местность. Ну, сначала расспрашиваем, конечно, какую-то литературу смотрим, знаем, что вот там где-то должны быть какие-то памятники, допустим, курганы, валы... И сами смотрим. По террасам.... Обычно стоянки люди устраивали на речных террасах. Городища различные, могильники... Такие маршруты были.

Копала я на Боровом озере по Чусовой, там много памятников было эпохи бронзы... Затем выше по Каме я копала позднее городище, эпохи железа. А ниже по Каме (мы сплавлялись на пароходе) несколько поселений было, Кама – Жулановка 1,2,3. И где-то уже в 53-ем году... По-моему, в 53-ем году... Да, у меня вышли две статьи в соавторстве с Отто Николаевичем Бадером по этим стоянкам.

Сами по себе раскопки были очень интересные, конечно. Было и интересно, и весело, поскольку выезжали большие студенческие коллективы... Отто Николаевич сам был человек с юмором, он умел отдыхать. Всегда устраивали, каждый год, такой праздник: одевались индейцами, раскрашивались, устраивали танцы разные, ну, естественно, пели студенческие песни, археологические разные... Песни и гимны, которые сочиняли во время экспедиций...

(?) *Помните что-то из этого «фольклора»?*

(!) Нет, не помню уже, к сожалению. Память плохая стала сейчас... Память стала уже избирательная...

Конечно, впечатления были очень яркие. Помню очень хорошо такое развлечение. Оно, конечно, было не очень легальное, хотя все предосторожности соблюдались. Отто Николаевич Бадер всегда, когда мы ходили куда-нибудь гулять или в маршруты, разыскивал одиноко стоящее сухое дерево, обычно хвойное, и поджигал его. Это был такой факел!

Что еще про раскопки рассказать? Ну, очень дружный коллектив у нас был. Атмосфера дружбы, взаимопонимания, помощи, доброжелательности – она вошла, наверно, со студенческих лет в мою жизнь, и потому, может быть, я стараюсь, чтобы в любом коллективе это сохранялось. Мне кажется, это очень важно, от этого очень многое зависит. Когда люди доброжелательны по отношению друг к другу, можно сделать практически все, все препятствия преодолеть.

(?) *Зоя Петровна, что дал Вам Отто Николаевич Бадер как учитель?*

(!) Отто Николаевич научил меня работать. Он сам был очень увлечен археологическими исследованиями, очень много работал, отличался гигантской работоспособностью. Помню, однажды мы ехали вместе с ним из Москвы в Пермь на раскопки (он к этому времени уже переехал в Москву) в одном купе, это

было летом: была страшная жара, невозможно было двинуться с места – а он сидел и писал!.. Всю дорогу писал очередную статью или отчет. Уже тогда я поняла, что если хочешь чего-нибудь добиться в науке, надо «вкалывать» без устали...

(?) Ваша археологическая работа как-то повлияла в дальнейшем на вашу научную жизнь?

(!) Да, когда я раскопками занималась, то больше всего меня интересовали в археологии жилища. Как-то вот к материальной культуре – к черепкам, осколкам керамики, к орудиям труда не тянуло (орудия труда вообще редко попадают, чаще всего только керамика)... вот эта рутинная работа с керамикой, она как-то меня не очень привлекала тогда. А вот жилище меня очень интересовало – проблема реконструкции археологической постройки. Это было очень интересно для меня, я много копала разных стоянок... И поэтому естественно было мое обращение к этнографическому материалу – для реконструкций.

Моя дипломная работа была посвящена жилищу, правда, аспект был другой, социальный - мне хотелось определить по форме и размерам жилища, ну, примерно хотя бы прикинуть тип семьи. Какая семья могла там жить: большая семья, малая семья; с чем это связано, какие признаки и так далее. Правда, честно могу признаться, что уже тогда я поняла: напрямую это не связано. Это очень сложный вопрос и каждый раз нужно заниматься исследованием, привлекая материал, близкий по территории. Я, конечно, в своей работе в основном использовала североамериканских индейцев – проблемы длинного ирокезского дома, количество очагов и определение количества семей, брачных пар... В действительности, потом я еще раз пришла к этому выводу, напрямую это не связано – ни форма, ни размеры жилища не могут дать точное представление о том, какая же семья населяла это его.

(?) А когда же Вас заинтересовала собственно этнография?

(!) Вот уже где-то к окончанию университета я почувствовала необходимость оживления материала. Для меня археологический материал казался не живым, статичным. Курс этнографии у нас тоже Отто Николаевич Бадер читал. Но я сама уже начала этнографический материал привлекать для диплома.

Меня заинтересовала этнография и по совету Отто Николаевича я решила поступать в аспирантуру в Институт этнографии. Тем более это было в Москве. А у меня, надо сказать, с самого начала, как только я оказалась в Перми, была идея-фикс: вернуться в Москву. Я зачитывалась всеми стихами, всеми произведениями, касающимися Москвы. Слова: «Москва! Как много в этом звуке для сердца русского слилось», – это для меня был гимн. И даже когда я в этнографических экспедициях была, когда была в кино, был какой-нибудь журнал и показывали Кремль, то у меня слезы наворачивались на глаза! Я Москву очень любила и люблю и мне очень хотелось сюда вернуться.

Поэтому я поехала в аспирантуру.

(?) *Тогда можно было поступать в аспирантуру сразу после окончания университета?*

(!) Можно было. Тогда не нужен был стаж. Тем более, что у меня уже было две публикации, хотя тогда еще тоже публикаций не нужно было для этого – тогда было все гораздо проще. Диплом у меня был с отличием, что тоже мне открывало дорогу. Кроме того, конечно, тут сыграла роль в какой-то степени протекция Отто Николаевича Бадера. Он прекрасно знал Максима Григорьевича Левина, который тогда был заместителем директора Института этнографии, директора института Сергея Павловича Толстова. Это были его друзья молодости, с которым он вместе ходил в маршруты разные... Дебец Георгий Францович тоже к ним относился... И когда я приехала... Не помню, было ли у меня письмо к Максиму Григорьевичу или Отто Николаевич просто ему позвонил, но Максим Григорьевич встретил меня очень хорошо. Очень хорошо – я это прекрасно помню – очень доброжелательно. Но, естественно, я должна была сдавать вступительные экзамены.

(?) *Это было сложно?*

(!) Ну, экзамены я более или менее неплохо сдала. У меня подкачал немножко немецкий, потому что немецкий я знала неплохо в школе – у нас была прекрасная преподаватель, обруселая немка, которая разговаривала с нами на уроках уже в 9-ом–10-ом классах только по-немецки. И я прекрасно знала немецкий язык. Ну, я не скажу, что я свободно говорила, но переводила, во всяком случае, я очень хорошо. А когда я поступила в университет, то попала в такую немецкую группу, где очень мало кто чего

знал. Два года я по существу проболталась, забыв свой словарный запас, а потом два года учила французский, который так и не выучила... И уже ко времени поступления (*в аспирантуру*), естественно, у меня запас слов был очень ограниченный, и, кроме того, я не знала «кухню» сдачи экзаменов. Здесь существовала своя система: нужно было самому подобрать книжку и по ней уже переводить этот текст. А я не знала этого. Мне дали книгу толстенную по этнографии немецкого автора, с такими гигантскими фразами... И я в срок не уложились с переводом: мне поставили «тройку». Конечно, если бы формально отнеслись к этому делу, то меня могли бы не принять, безусловно...

(?) *А был конкурс при поступлении в аспирантуру?*

(!) Нас поступало в тот год... Сергей Павлович Толстов решил организовать новый отдел в Институте – истории первобытного общества. Вот на этот отдел был как раз набор. И поступало, по-моему... Сейчас я скажу: Владиллен Александрович Туголуков поступал на эту специализацию, Файнберг Лев Абрамович, я – третья и, по-моему, Кобычев Вениамин Павлович на эту специальность шел. Еще был пятый претендент – не помню на какую специальность поступал – он ушел, так и не поступив. А мест было... то ли два, то ли одно. Нет, наверно, было, все-таки, не меньше двух, я так думаю.

И когда мы все сдали, дирекция мудро очень решила – она приняла всех, кроме вот этого пятого, который, видимо, не сдал специальность. Они зачислили Кобычева на другую специализацию (может быть, он на нее и поступал – я сейчас не помню), в сектор Кавказа; Владиллена Александровича Туголукова они приняли на работу, так как он был житель Москвы; Файнберга взяли в основную аспирантуру, на историю первобытного общества. И меня тоже взяли на историю первобытного общества, потому что я была не москвичка: если бы они меня не взяли, то я должна была бы уехать из Москвы. Вот таким образом я поступила в аспирантуру.

(?) *Кто был Вашим научным руководителем во время обучения в аспирантуре?*

(!) Сначала – Марк Осипович Косвен. Он как раз и должен был возглавлять отдел по истории первобытного общества. Марк Осипович, конечно, был очень интересный человек: очень эрудированный, прекрасно знал многие проблемы, касающиеся

первобытного общества. По образованию он, мне кажется, был юрист. Поэтому он очень четко пользовался терминологией...

У него было чему поучиться. Но он был сугубо кабинетный ученый. А я была «полевиком», да еще человеком, пришедшим со своими идеями относительно жилища. Мне хотелось писать на тему, связанную с жилищем. Ему это было не интересно. Он мне предлагал тему «Происхождение скотоводства», которую мне, конечно, было трудно поднять, потому что нужно было хорошо знать иностранные языки (литература основная была на языках; больше всего на английском языке, который я практически не учила).

Я поступила в октябре... Где-то, наверно, до апреля-марта мы пытались с ним найти какой-то компромисс, но ничего не получилось. Я уже была в отчаянии и пошла советоваться с Ученым секретарем. Ученым секретарем тогда была Ирина Александровна Золотаревская – блестящая женщина-ученый! Остроумнейшая, умница, великолепная, обаятельная женщина. И – очень простая в общении. У нас с ней были очень хорошие отношения. Я пошла к ней – поплакалась в жилетку. А она мне говорит: «Сходи к Георгию Францевичу Дебецу; он – умный человек, он что-нибудь присоветует».

Георгий Францевича я знала еще по Перми. Потому что он где-то между 50-ым и 53-ьим годом ездил на Чукотку в экспедицию. По пути с Чукотки заезжал в Пермь, останавливался у Бадеров и рассказывал нам о своей поездке. Я это очень хорошо помню. Он рассказывал очень интересные вещи. Для него тоже увиденное там было откровением – он первый раз был тогда в чукотской яранге, видел, как чукчи едят мясо, отрезая его ножом у самых губ...

Он меня помнил и я его знала – ну, вот я пошла к нему советоваться, как быть. Он меня выслушал очень внимательно. Георгий Францевич был обаятельнейший человек. Я думаю, что, наверно, большинство женщин нашего института были влюблены в него. Это был очень интересный мужчина, умница необыкновенная, очень хороший человек. И простой в обращении, с ним очень легко было разговаривать.

Он мне посоветовал, в свою очередь, пойти к Валерию Николаевичу Чернецову. Георгий Францевич понял, что если я хочу заниматься жилищем по этнографическому материалу и связать

этот материал с археологией, то ближе хантов и манси, наверно, к моему уральскому археологическому материалу ничего нет. И он был совершенно прав, конечно, в этом отношении. Вот так я познакомилась с Валерием Николаевичем Чернецовым.

Валерий Николаевич, который был и этнографом, и археологом, и лингвистом, и фольклористом – сочетал знания и методику четырех смежных наук (я считаю, если применять их комплексно в исследованиях, можно добиться очень интересных результатов) – в это время он как раз работал в институте археологии. Но он был очень тесно связан и с нашим институтом... Может быть, даже работал в редакции нашего журнала... Во всяком случае, публиковался в нем.

Я позвонила ему, он пригласил меня к себе. Чернецовы жили в Померанцевом переулке, недалеко от метро Кропоткинская... Вот так я первый раз попала в этот дом, и потом уже очень часто бывала там. Я познакомилась с женой Валерия Николаевича – Мошинской Вандой Иосифовной. Мы с ним довольно быстро нашли общий язык, сразу сформулировали тему диссертации «Обско-угорское жилище и его история», где, действительно, я смогла использовать все свои знания.

(?) Таким образом, Вы стали заниматься новым для Вас регионом. Насколько значительно осложнило это Вашу работу?

(!) Работая над темой, я, естественно, сначала собирала материалы, перечитывая опубликованные исследования. Прочитала практически все, что было написано о хантах и манси в этнографической литературе. Затем работала в музеях Ленинграда – в МАЭ и ГМЭ, в основном над фотоархивами. У них очень интересные коллекции разных путешественников и ученых, в том числе Валерия Николаевича Чернецова: там была его фотоколлекция по Северной Сосьве. Уже где-то к лету 56-го года диссертацию я в общем написала.

Мне очень помог Андрей Александрович Попов, который в это время работал над разделом «Жилище» для историко-этнографического атласа Сибири. Он разработал классификацию. Из нее я заимствовала термин «каркасные сооружения». Жилища народов Сибири отличаются от жилищ, допустим, славянских народов, населяющих Европейскую часть страны, тем, что это не срубные сооружения, а каркасные: в основе – столбы различной формы: вертикальные, наклонные, обрешеченные или соедине-

ния в виде досок, балок и так далее. Эта классификация, выполненная Андреем Александровичем поповым, на мой взгляд, одно из самых больших достоинств атласа.

(?) А Вы ездили тогда в экспедиции?

(!) Да, конечно. Но получилось так, что к концу аспирантуры (она заканчивалась у меня где-то в октябре 56-го года) я еще, во-первых, не видела вживую ни одной постройки хантов и манси, во-вторых, не видела самих хантов и манси. Конечно, мне нужно было ехать в экспедицию. Тогда тоже было сложно со средствами, тем более для аспирантов. Но я списалась с Ханты-Мансийским краеведческим музеем еще где-то в конце зимы или весной и договорилась поехать с ними. Они организовывали экспедицию на Кызым для сбора экспонатов и им нужен был консультант по археологии. Чтобы собрать экспонаты для музея, у них было достаточно опыта и знаний, а вот для археологических материалов – для сбора и исследования памятников – опыта не было никакого. В общем, я была приглашена в основном как археолог.

Не помню, кто оплачивал мне дорогу, может быть, даже институт... И вот летом, где-то в июне, я поехала туда. Тюмень мне была уже знакома, потому что в 55-ом году я участвовала в раскопках, которыми руководил Валерий Николаевич Чернецов, на Андреевском озере в нескольких километрах от Тюмени. Тюмень тогда была, можно сказать, большой деревянной деревней. Там зданий каменных почти не было: только несколько старых, в том числе музейное. Город был такой пыльный, неинтересный. В те времена Тура была еще судоходной, это потом она уже обмелела. До Тобольска, до Ханты-Мансийска можно было доплыть тогда еще на пароходе, а позднее – на теплоходе.

До Тюмени тогда по железной дороге надо было добираться. Поезд шел больше двух суток в то время. В Тюмени я, по моему, останавливалась то ли в музее, то ли в гостинице – сейчас уже не помню где; может быть, даже в музее. Тогда гостиница была единственная на весь город; там было трудно устроиться.

А в Ханты-Мансийск летали гидросамолеты, которые садились на Андреевское озеро и приводнялись уже в Ханты-Мансийске на Иртыш около села Самарово. Да, примерно такой был маршрут.

Ханты-Мансийск тоже был тогда деревянным, как и Самарово. Они располагались по обе стороны высокой части речной террасы, где в Обь впадает Иртыш. На одной стороне Ханты-Мансийск раскинулся, на другой стороне – Самарово, очень старое село. Туда как раз прибыл самолет. На маленьком автобусе приехали мы в город. Там тоже была одна крошечная гостиница, где тоже невозможно было устроиться. Я жила в музее, где был диван.

Когда я приехала – организация экспедиции была в разгаре: еще не все оборудование было куплено, не полностью был укомплектован отряд. Ну, наверное, дней десять ушло на это.

В свою первую поездку я отправилась на пароходе: из Ханты-Мансийска мы поплыли в Березов. Конечно, это незабываемое зрелище. Обь – великолепна! Огромная, очень красивая река. В хорошую погоду, конечно, плыть – одно удовольствие.

Березов – историческое место ссылки Меншикова всем было известно – очень своеобразный город, небольшой. В то время он еще, по-моему, был рабочим поселком. Там мы были несколько дней всего. Договорились с попутным транспортом, им оказался почтовый катер. Он должен был нас отвезти уже в центр на реке Казым – на так называемую Казымскаую культбазу. Их строили в тридцатые годы, чтобы организовать на их основе культурно-просветительные центры, что ли... Там строили школы, больницы, магазины, школы-интернаты, естественно, были, куда свозили детей из разных местных поселков, где бы они в учились.

На почтовом катере мы добрались сначала до села Полноват... Село Полноват – место, где я впервые увидела хантов. Причем там единственный раз я видела ханта с косами, очень интересного физического облика. Он был очень похож на индейца, хотя антропологи сейчас отрицают сходство физического типа у хантов и у индейцев, но визуально он был очень похож на индейца.

Кроме того, в Полновате в то время жили не только ханты, а много русских семей, ну и, естественно, других национальностей. Село было большое – такого русского типа, никаких традиционных построек хантыйского типа там не было.

Из Полновата мы отправились в Казым. И вот уже отъехав от Казыма, по берегам я стала замечать вот эти самые каркас-

ные сооружения, либо остовы от них – чаще всего сезонные или временные, в которых останавливались ханты-рыбаки или, что тоже нередко было, сенокосцы.

Проплыли мимо нескольких деревень, застроенных такими типичными бревенчатыми низкими традиционными срубами хантыйскими, отапливаемыми чувалами. Издали были видны трубы чувалов – круглые, сплетенные из жердей, обмазанные глиной... Долбленые лодочки – обласки...

Наконец, мы прибыли в Казым.

Да, в Полновате мы получили еще одного спутника по экспедиции – охотоведа-студента, москвича, который был там на стажировке. Он должен был отстреливать птиц, зверьков и делать из них чучела для экспозиций отдела природы в музее.

А уже в Казыме мы познакомились с двумя молодыми ребятами – хантами, студентами педучилища, жителями поселка Казым (они в это время находились на каникулах), которые должны были нас сопровождать в качестве гидов-переводчиков. Наш отряд сформировался из пяти человек.

Мы достали лодку весельную и на ней должны были спускаться вниз по реке от Юильска, поселка, до которого мы должны были дойти. До Нумто мы не планировали доходить. В Юильска нас привез рыбооповский катер. А уже оттуда мы поплыли вниз сами, на веслах. Плыли день и ночь, по очереди дежурили и осматривали берега. Ну, археологическая разведка – я уже говорила – это осмотр местности. Мы осматривали особенно тщательно высокие террасы, отложения, кое-где шурфовали. Некоторые интересные памятники обнаружили, в том числе городища очень любопытные. Разные городища, их там много.

Сходили в Юильский городок старый, крепость. Очень интересное место. Городок был в XVII веке сооружен, состоял из нескольких башен деревянных, обнесен был высокой изгородью – частоколом. Там было несколько так называемых ясачных изб, где останавливались ханты, которые приезжали платить ясак. Вдоль дороги сохранились остатки маленьких домиков для ездовых собак... Это для меня было тоже очень интересно и экзотично. К этому времени я уже увидела основные типы построек, ну кроме, пожалуй, землянок и полуземлянок.

Поездка была очень интересная. Еще и потому, что она была первая. А последующие поездки были уже самостоятельными.

(?) Вы часто ездили в экспедиции?

(!) Довольно часто. В 57-ом году я была на Вахе. Тоже на лодке сплавлялись – правда, с небольшим моторчиком – вдвоем с одним помощником, я его в Ханты-Мансийске наняла. Он был свободный охотник и рыбак. Проплыли мы с ним от Кансэсьегана, это выше Корликов и Ларьяка. И даже ниже, почти до Нижневартовска.

В 58-ом году ездила в Томскую область. Работала у хантов вместе со студенткой – тогда в университете она училась – Нина Федорова, якутка, которая практику в моей экспедиции. Мы работали у хантов на севере Томской области в Александровском районе, у селькупов на Кети и на Оби и даже несколько дней и ночей провели в чуме у эвенков в верховьях Кети.

(?) И каковы Ваши впечатления от чума?

(!) Ну, чум я уже видела много раз до этого: на Казыме – это был коми-зырянский чум, который стоял во дворе дома, в нем старики жили летом, поскольку летом в доме жарко, как они объясняли; на Вахе тоже я довольно много чумов видела, которых жили ханты рыбаки; а здесь мы в эвенкийском ночевали. Разница там не очень большая, естественно, только в плане основных шестов и планировки жилища. Но вообще – нормально. Правда, спали мы (это был все-таки, наверное, конец июля – начало августа, довольно теплое время года) в меховых мешках эвенкийских, которые были сшиты из оленьей шкуры с высоким ворсом: в виде мешка с несшитым до конца одним боком. После первой ночи обнаружилось, что мы совершенно неправильно постлали эти мешки: нужно было лечь на шкуру, постеленную на землю, вставить ноги в дно мешка так, чтобы разрез этого мешка приходился вниз, а спина была закрыта! А у нас все получилось наоборот. Поэтому мы всю ночь крутились-вертелись с Ниной и все не могли согреться.

(?) Каковы Ваши впечатления от тех мест, где Вы работали?

(!) Места прекрасные там: тайга сухая такая, сосновая, ягель... Мало комаров в такой тайге. И стойбище очень хорошее было. Очень небольшое стойбище, из двух чумов состояло. Там

две семьи эвенкийские жили. Их имущество хранилось в нартах. Они распаковали, показали нам зимнюю одежду – очень красивые парки, расшитые бисером, особенно голубым... Очень красиво! Старинные такие...

А шли мы довольно долго до этого стойбища – пешком, через болота. Да, кстати, с болотами сибирскими впервые я познакомилась на Казыме, потому что там мы часто ходили пешком. На примере хождения по болотам и езды в маленькой, верткой долбленной лодочке, я поняла, почему ханты и манси такие маленькие, такого маленького роста; иначе там невозможно жить. Я при моих метр 54-х считалась там высокой женщиной! Когда я заказала там, естественно, за плату, сшить для меня традиционный халат... Казымские женщины, как и мансийские на Северной Сосьве и некоторые нижнеобские, в отличие от других хантыек, носят поверх платья халат. Этот халат очень красивый, он расшит аппликативными узорами и бисером. И мне захотелось иметь такой халат. Но шили его без меня, заочно, так сказать, и когда я его получила, он был до пят – очень длинный, так как им я казалась очень высокой.

А Татьяна Воробьева, сотрудница Ханты-Мансийского музея, которая возглавляла нашу кызымскую экспедицию, была грузной, полной, хотя молодая женщина была. Ей было очень трудно. В лодку садиться – проблема, потому что лодка почти не выдерживала ее, переворачивалась тут же и начинала тонуть; и по болотам было ходить очень трудно. По болотам они ходят – у них там специальные дороги проложены типа «лежневки» в виде двух таких тоненьких стволов дерева, которые, собственно говоря, в воде плавают. Опираешься на палку и идешь по ним, перекакивая с жердочки на жердочку.

И в Томской области мы примерно так ходили.

(?) Где еще Вы побывали во время экспедиций?

(!) Позже я была в экспедициях в 60-х годах на севере – в Ямало-Ненецком округе, у северных хантов в Шурышкарском районе, на реке Сыне и Куноват. По Сыне и Куновату даже три раза мы ездили. В сентябре муж брал отпуск, оформляла его мотористом, поскольку, действительно, мы там сплавлялись на лодке и он занимался мотором, вел лодку, чинил ее, смолил, шпаклевал; и сын – во время каникул ездил с нами тоже по этим очень красивым местам.

Затем я была в экспедиции в Самаровском районе (потом он Ханты-Манским стал) – на реке Согом, в такой довольно обруселой деревушке Согом, где своеобразная группа хантов была. И там тоже археологией приходилось мне заниматься, уже по открытому листу, который я получила в Институте истории материальной культуры, который теперь Институт археологии. Там мы копали несколько памятников.

(?) *Простите, Зоя Петровна, что такое «открытый лист»?*

(!) Это специальное разрешение. Археологические раскопки разрешаются только специалистам, которые имеют достаточно знаний и опыта в этом деле. И когда на Казым я ездила в археологическую разведку, я тоже имела открытый лист, потому что без него нельзя ни шурфовать, ни копать памятники. То, что это делается, допустим, на местах – это нарушение общих правил. По открытому листу собирается материал, затем пишется отчет и копии всех материалов сдаются в полевую комиссию, где они хранятся. И мои материалы, естественно, хранятся. Я надеюсь, что кто-то после меня работал по ним, поскольку уже очень много исследователей побывало в этих местах.

Затем несколько сезонов я провела в Сургутском районе. И под самим Сургутом, где Барсов городок, где большие раскопки были десять-пятнадцать лет тому назад, и на реке Юган (Большой и Малый). По ним несколько раз тоже проезжала, но на лодке, а на вертолете. Жили по неделе, по десять дней в разных селениях. Короче говоря, это где-то полтора десятка экспедиций, которые длились от месяца до четырех. Правда, четыре месяца в поле я не находилась, я совмещала это с работой в архиве, в Тобольске.

Моя книжка по социальной организации хантов и манси основана как раз на материалах тобольского архива. Очень интересный архив – большой, богатый, своеобразный... В Тобольском кремле находится. Причем надо сказать, что очень доброжелательный народ там работает. Да и вообще во всех сибирских музеях: в Тобольске, и в Ханты-Мансийске, и в местном Березовском музее, в Тюмени – очень приветливый народ. Там всегда находили отклик мои просьбы... В Тобольском архиве, например, по правилам в выходные дни работать нельзя было, но мне всегда

доверяли, и материалы оставляли и давали возможность работать, поскольку времени было всегда в обрез.

Экспедиционная работа, конечно, многому учит и дает очень много интересных впечатлений и материалов. Надо сказать, почти после каждой экспедиции я писала одну-две статьи.

(?) Кроме Вас в то время кто еще занимался ханты-мансийским регионом?

(!) Довольно долгое время я была почти единственный этнограф-угровед, который занимался хантами и манси. Валерий Николаевич работал в Институте археологии и основная его нагрузка была археологическая. Тогда еще не было нынешних исследователей-угроведов. Лукина с Кулемзиным появились где-то уже во второй половине семидесятых годов. Поэтому мне приходилось заниматься всякими проблемами: от палеолита до главлита, как говорится: и материальной культурой, и хозяйством, и этнонимикой, и демографией, и социальной организацией, и религией, и духовной культурой...

После экспедиций я обычно писала научные отчеты, а на их основе затем публиковала статьи. Практически очень много материалов я опубликовала и в статьях, и в своих книгах – особенно в научно-популярных, таких как «Страна Югория», «Путешествие в Югру», «На просторах Сибири». Туда вошел значительный полевой материал. И все идеи, сформулированные в угроведческой литературе, с которыми я знакомилась, в моей диссертации кандидатской – все это было уже проверено и проиллюстрировано полевыми материалами. Полевая работа много дает...

(?) Расскажите, пожалуйста, о Ваших книгах.

(!) Первая книжка моя была «Культовые животные в религиях». Она вышла в 72-ом году. Каким образом получилось это? Ну, кандидатскую диссертацию я не публиковала, к сожалению, хотя большинство этнографов у нас публиковали свои кандидатские работы. Дело в том, что тогда были очень строгие издательские лимиты. На сектор в год давали одну книгу по плану, и, как правило, это была у нас какая-нибудь коллективная монография. Издать кандидатскую диссертацию было практически невозможно. У нас в секторе, по-моему, никто и не издавал: и сам Борис Осипович не издавал кандидатскую, Гурвич издал уже очень поздно, когда был заведующим отделом, Туголуков не издавал,

Васильев не издавал, Симченко только еще издал, пожалуй... Остальные никто не издавали кандидатские диссертации.

Поэтому у меня книги не было. Первая моя книга – научно-популярная... Она появилась так. В конце 60-х годов издательство «Наука» объявило, что они готовы напечатать серию научно-популярных работ по этнографии. И вот тогда, по-моему, мы трое дали заявки: Туголуков Владиллен Александрович «Следопыты верхом на оленях», я – «Культовые животные в религиях» и Кобычев, по-моему, про славян писал. В связи с этим я начала работать над книгой.

Вопросы религии мне были очень интересны, и культ животных меня тоже интересовал, и уже к этому времени я познакомилась с материалами по этнографии хантов и манси, у которых тотемизм был очень распространен раньше... Я с удовольствием этой книгой занималась. В написании ее мне очень помог Владимир Николаевич Басилов. Очень помог. Он был редактором этой книги, и очень много ценных советов мне дал.

(?) А какая книга была следующей?

(!) Вторая книжка была тоже научно-популярная – «Страна Югория». Это уже был 76-ой год. К этому времени у меня уже были поездки на Казым – 56-го и 69-го года. Через тринадцать лет я наблюдала там очень интересные изменения. На Вахе я уже к этому времени побывала, на Сыне и Куновате, да и Согом был, и Сургут был уже... То есть основная часть экспедиционных впечатлений и экспедиционного материала была собрана. В эту книжку вошли полевые материалы, которые, как я уже говорила, отчасти были опубликованы в виде статей на определенные темы. Допустим, «Загадки Юильского городка» – это материал Казымской экспедиции 56-го года; или «Находка в Шишингах (культ лягушки и угорская проблема)», статья в «Советской этнографии» – это была поездка начала 70-х годов на Куноват; «Женские и мужские культовые места» – это поездка на Сынню; «Селения и жилища Ваховских хантов» – это результат поездки на Вах в 57-ом году и так далее. Да, о селькупах – то же самое, статью «О некоторых этнических процессах у селькупов, хантов и эвенков» я писала после томской поездки 58-го года.

Я собирала материал, как я уже говорила, как правило, по всем проблемам: то есть все, что в глаза бросалось, обо всем расспрашивала, все фотографировала, все фиксировала по возмож-

ности. И поэтому накапливался материал, который, допустим, на статью не тянул, а вот в популярную монографию он вполне мог пойти. И в эту книжку много вошло полевых материалов.

В 1976-ом году в издательстве «Мысль» (географическом) вышла научно-популярная книжка «Путешествие в Югру» – не только о хантах и манси, но и о ненцах и селькупках.

В 81-ом году вышла книжка, тоже научно-популярная, «На просторах Сибири». Она вышла в серии, которую задумало издательство «Русский язык» для иностранцев, изучающих русский. В ней вышло несколько книг: «На великой русской равнине» Адрианова, «В краю садов и виноградников» Арутюнова и Кобычева, «У янтарного моря» Итса, «У берегов Ледовитого океана» (это был север Европейской части и север Сибири), это писал Арутюнов, а вот всю остальную сибирскую часть писала я в книге «На просторах Сибири». Эта серия книг выходила, начиная с 80-го где-то по 85-ый или по 86-ой год, нет, 88-ой. Серия была хорошо иллюстрирована, издавалась на хорошей бумаге, с комментариями-пояснениями отдельных слов на трех языках – английском, испанском и французском.

(?) Скажите, насколько плодотворна для ученого работа в научно-популярном жанре? Как известно, многие считают это недостойным занятием.

(!) Написание научно-популярных книг и чтение лекций по линии общества «Знание» (я много лекций читала по атеизму, как это тогда называли, но всегда вставляла, даже если читала лекцию по Пасхе, этнографические материалы, которые касались разных народов, пыталась проследить общие линии развития народного мировоззрения) дали мне очень много: это помогло в отработке навыков писать. Ведь мало материал иметь, надо уметь его изложить. Практика написания научно-популярных книг помогает не только учиться писать, но и исследовать. Писать, между прочим, научную статью иногда проще, чем научно-популярную, поскольку в научной статье можно некоторые острые углы обойти и не все сказать абсолютно ясно, не все точки над «и» поставить, а в популярной статье это обязательно.

(?) Вы были автором нескольких научно-популярных книг и, работая в системе академии Наук, все еще не могли издать свою научную монографию?

(!) Научной монографии у меня еще в это время не было. В 79-ом году у меня была депонирована одна монография, касающаяся социальной организации хантов и манси. Она не издана, но считается печатной работой (депонирована в ИНИОН'е). А вот научная монография вышла только в 83-ем году. Ее продолжением была другая книжка 90-го года «Эндогамный ареал и этническая группа». Туда вошел весь архивный материал, который я собирала в Тобольском архиве, где на основе изучения церковных и загсовских метрических книг я исследовала проблемы фратрии и рода.

(?) Расскажите, пожалуйста, о последней по времени выхода Вашей книге.

(!) Последняя книжка – это «Жилища народов Сибири», 98-ой год. Это итог моей работы по изучению жилища у народов Сибири, в том числе хантов и манси. Я с этой темы начинала, пока ею и закончила. Причем толчком (к ее написанию) послужило то, что меня пригласили участвовать в подготовке английской энциклопедии по жилищу. Я написала больше двадцати общих статей в целом по всем народам Сибири и по отдельным, наиболее интересным и крупным. Этот материал (он был небольшой) органично вошел в книгу как такой первый ознакомительный, описательный очерк жилища народов Сибири.

Главная моя задача была: усовершенствовать ту классификацию, ту типологию жилища – о ней я уже говорила, – которой занимался Андрей Александрович Попов. Еще в 70-ом году вышла рецензия на историко-этнографический атлас, которую писали Гурвич, Туголуков и я. И там я писала как раз критическую часть, относящуюся к разделу «Жилище». Как я уже отметила, я высоко оцениваю эту работу Андрея Александровича. Но разнообразие построек у всех народов Сибири очень велико, и его классификация, как мне казалось, не полностью их охватывала, поэтому мне хотелось ее усовершенствовать. Я на основе своих исследований попыталась это сделать.

(?) Расскажите, пожалуйста, поподробнее о Вашей работе в институте.

(!) В институте я работаю с 56-го года: после окончания аспирантуры сразу же была зачислена в штат, хотя диссертацию тогда еще не защитила. Дело в том, что в 56-ом году вышло постановление ВАК'а, согласно которому для защиты кандидатской диссертации нужно было иметь минимум две публикации по теме диссертации. У меня еще не было статей по теме диссертации; были только две статьи по археологическим работам. Мне пришлось защищаться уже в феврале 58-го года, после того, как я опубликовала две необходимые статьи – одну в «Советской этнографии», а вторую в «Кратких сообщениях института этнографии». В те времена довольно долго статьи лежали в портфелях журналов.

И вот с 56-го года я работаю все время в нашем институте, в одном и том же секторе (теперь – отделе). Правда, сначала он назывался «Сектор по изучению социалистического строительства у малых народностей Крайнего Севера», руководил им Борис Иосифович Долгих. Почти все время в нашем отделе было примерно десять человек.

Начинала я когда в секторе, в котором работали Долгих, Гурвич, Смоляк, Туголуков, Васильев, Симченко, потом пришла Жорницкая. Это – сильный состав. Все довольно квалифицированные специалисты. Работать было очень интересно. У нас проходили очень интересные заседания, критические, когда обсуждали работы друг друга. И хотя много внимания уделялось изучению современной культуры народов Севера, этнических процессов, тем не менее Борис Осипович совершенно правильно ориентировал всех сотрудников на то, что в основе все-таки должны быть знания по этнографии народов. Мы параллельно всегда занимались темами по исторической этнографии.

Наверное, где-то уже с середины 60-х годов, может быть, немножко раньше Борис Осипович ушел с заведования. Заведующим стал Гурвич Илья Самуилович, который возглавлял сектор довольно долго – больше двадцати лет, это уж точно, до 87-го, кажется, года.

(?) А когда Вы возглавили сектор?

(!) Я начала работу в должности младшего научного сотрудника, в начале 70-х годов мне дали звание и должность

старшего научного сотрудника. Тогда была конкурсная система и на одно место обычно претендовало четыре-пять человек – не так просто было, как сейчас, занять эту должность.

В 85-ом году я защитила докторскую диссертацию, в которой объединила свои работы по социальной и этнической истории хантов и манси в XVIII-XIX веках. А в 86-ом году по новой системе аттестации получила уже должность ведущего научного сотрудника института, с 87-ого года по конкурсу занимала должность заведующей отделом, на которой проработала восемь лет.

Сектор, кстати, был преобразован в отдел этнографии народов Крайнего Севера и Сибири, хотя по количеству сотрудников он остался таким же. Мы сохранили свою тематику, свой профиль работы.

Было довольно трудное время в конце 80-х – начале 90-х годов, когда в связи с реформами в нашей стране наука была оставлена совершенно без каких-либо средств – и на экспедиции, и на издания приходилось деньги зарабатывать самим; еще не было фондов – ни РГНФ, ни РФФИ. Через Госкомсевер или через какие-то другие организации мы первые проекты составляли и проводили за дополнительную плату. И на эти средства издавали свои работы.

В 95-ом году я уже оставила должность заведующей отделом, передав ее Дмитрию Анатольевичу Функу, который на мой взгляд был весьма перспективен в этом отношении. С тех пор работа в должности главного научного сотрудника института.

(?) Насколько я знаю, именно Вы стояли у истоков Полевой комиссии нашего института?

(!) Да, в начале 70-х годов дирекция мне предложила возглавить Полевую комиссию в Институте этнографии, вернее, сначала создать ее, разработать ее статус, а потом уже возглавить. Этим я занималась примерно пять лет. Мы наладили выпуск первых ежегодников «Полевых исследований», которые вначале были ротاپринтными. Я была ответственным редактором, входила в состав редколлегии этих ежегодников. Целью было упорядочить полевые работы и, главным образом, отчетность по ним, сдачу и обработку полевых материалов, которые должны были храниться в архиве института.

В этом году мы снова начали издавать труды этой серии, издание прерывалось по финансовым причинам.

(?) *Расскажите, пожалуйста, о Ваших учениках.*

(!) Аспирантка моя первая, вернее даже она не аспирантка была, а соискательница – Надежда Васильевна Лукина, написанием работы которой я руководила. Затем уже были другие аспиранты – Несанелис из Сыктывкара, москвичи Антон Иванов и Коля Ссорин-Чайков, Аня Сирина из Иркутска, Кан Дэ Квон из Кореи, Ацуси Есида из Японии и целый ряд других. Сейчас тоже, конечно, есть аспиранты и сотрудники-соискатели. Две работы уже подготовлены – Сподиной Викторией Ивановны из Мегиона и Юры Квашнина из Тобольска. Вероятно, где-то осенью – в начале зимы они будут защищать диссертации. То есть где-то больше десяти аспирантов у меня было.

Мне хотелось прежде всего помочь им в написании работ и постараться передать свой опыт и работы с полевым материалом, и написания текстов, и формулировки проблем. Работать с аспирантами мне всегда представлялось очень интересным и даже полезным для себя.

(?) Зоя Петровна, я уверена, что Вы еще очень многое успеете сделать в науке, избранной когда-то Вами, которой Вы преданно служите уже несколько десятилетий. Я искренне желаю Вам новых книг и статей, интересных и перспективных аспирантов и докторантов, очередных научных и человеческих открытий. Крепкого здоровья и успехов Вам на научном поприще! Счастья и удач в жизни!

*(Интервью записала и подготовила к печати
В.И.Харитонова)*

Исследователи, упоминающиеся в интервью

Андрианов Борис Васильевич (1919-1993) – сотрудник Института этнографии АН СССР (далее – ИЭ), демограф.

Арутюнов Сергей Александрович – зав. отделом народов Кавказа Института этнологии и антропологии РАН, специалист в области кавказоведения и сибиреведения.

Бадер Отто Николаевич (1903-1979) – археолог. Исследовал палеолитические, неолитические и эпохи бронзы стоянки центральной части России, Прикамья и Урала. Преподавал в Пермском госуниверситете, в последние годы работал в Институте археологии АН СССР в Москве.

Басилов Владимир Николаевич (1937-1998) – зав. отделом народов Средней Азии и Казахстана Института этнологии и антропологии РАН, изучал проблемы шаманизма.

Васильев Владимир Иванович (1936-1993) – сотрудник Отдела этнографии народов Крайнего Севера и Сибири (далее – отдела Севера) Института этнологии и антропологии РАН (далее – ИЭА), занимался изучением самодийских народов.

Генинг Владимир Федорович – археолог, изучал археологические памятники Прикамья и Увала, в последние годы работал в Институте археологии в Киеве.

Гурвич Илья Самуилович (1919-1992) – зав. отделом Севера ИЭА, изучал этнографию якутов, чукчей и коряков.

Дебец Георгий Францевич (1905-1969) – антрополог, занимался изучением антропологических типов у народов Сибири, работал в ИЭ.

Долгих Борис Осипович (1904-1971) – известный сибиревед, зав. сектором по изучению социалистического строительства у малых народов Крайнего Севера (далее – соцстроительства у народов Севера) ИЭ.

Жорницкая Мария Яковлевна (1921-1995) – работала в отделе Севера ИЭА, автор исследований по хореографию народов Сибири.

Золотаревская Ирина Александровна – ученый секретарь ИЭ, американист.

Итс Рудольф Фердинандович (1928-1990) – зав. ленинградской частью ИЭ (далее – ЛЧ ИЭ), зав. кафедрой этнографии и антропологии ЛГУ, синолог, занимался этнографией народов Сибири.

Кобычев Вениамин Павлович (1925-1990) – сотрудник отдела народов Кавказа Института этнографии АН СССР, специалист в области кавказской и славянской этнографии.

Козлов Виктор Иванович – сотрудник ИЭА, демограф.

Косвен Марк Осипович (1885-1967) – крупный теоретик в области истории первобытного общества.

Кулемзин Владислав Михайлович – угровед, сотрудник Томского госуниверситета (далее – ТГУ).

Левин Максим Григорьевич (1904-1963) – антрополог, зам. директора ИЭ, занимался изучением антропологических и хозяйственно-культурных типов у народов Сибири.

Лукина Надежда Васильевна – угровед, сотрудник ТГУ, зам. директора по науке Научного центра гуманитарных исследований коренных малочисленных народов Севера, г.Салехард.

Попов Андрей Александрович (.....) – работал в ЛЧ ИЭ, изучал этнографию нганасан, энцев, долган, якутов и других народов Сибири.

Симченко Юрий Борисович (1935-1995) – сибиревед, сотрудник сектора соцстроительства у народов Севера, зав. координационно-

методическим центром ИЭА, изучал этнографию арктических народов - ненцев, хантов, нганасан, чукчей и др.

Смоляк Анна Васильевна – сотрудник отдела Севера ИЭА, специалист по этнографии народов Амура и Сахалина.

Толстов Сергей Павлович (1907-1976) – директор ИЭ с 1942 по 1965 гг., крупный ученый, исследователь Хорезма, проблем истории первобытного общества.

Туголуков Владиллен Александрович (1922-1986) – сибиревед, сотрудник отдела Севера ИЭ, тунгусовед.

Файнберг Лев Абрамович (1929-1993) – сотрудник ИЭ, американист.

Чернецов Валерий Николаевич (1905-1970) – выдающийся советский ученый, занимался археологическими исследованиями в Западной Сибири, изучением этнографии, языков и фольклора хантов и манси, работал в Институте археологии АН СССР.